



ПРЕЗЕНТАЦИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Мой личный интерес к монографии В. И. Ермоловича «Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.)»* обусловлен двумя причинами.

Во-первых, указанная монография – первое, отечественное комплексное, научное исследование, посвященное истории становления гражданского права не только средневековой Сербии, но и стран континентальной Европы в X–XV вв., в том числе и Беларуси.

Во-вторых, ряд страниц моей личной биографии, как и жизненный путь автора рецензируемой монографии, связаны с историей Сербии. В 2000–2001 гг. мне пришлось работать в составе миссии ОБСЕ на территории Сербии во время военного конфликта, охватившего территорию бывшей Союзной Югославии.

Монография В. И. Ермоловича посвящена процессу формирования институтов гражданского права стран средневековой Европы. Предметом сравнительного анализа автором избраны нормы и институты сербского права, что объясняется рядом значимых причин.

Во-первых, источники сербского права считаются самыми древними письменными памятниками права в странах Европы. В конце прошлого века профессором С. Билби, в результате расшифровки загадочных надписей на каменной плите в г. Ксантос (Ликия), было сделано уникальное открытие – эти древние письмены, датируемые VIII–VI вв. до н. э., являются правовым текстом на древнесербском языке (сербице), т. е. они на несколько столетий древнее знаменитых римских Законов XII таблиц. Это законник, состоящий из 230 статей, в которых изложены нормы частного, публичного и процессуального права.

Во-вторых, институты гражданского права средневековой Сербии формировались на основе норм обычного права славянских народов, а также римского и восточно-римского частного права. Данный фактор позволяет причислить право средневековой Сербии к одной из самых передовых правовых систем средневековой Европы.

В-третьих, источники права средневековой Сербии X–XV вв. представляют для нас значительный интерес еще и по той причине, что адаптированные в них нормы права славянских народов и римского частного права были реци-

*Ермолович, В. И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.) : моногр. / В. И. Ермолович. – Минск : БГЭУ, 2021. – 301 с.

пированы в юридическую практику многих славянских стран эпохи Средневековья, в том числе Великой Моравии, Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, Московского и Болгарского государств.

Системный анализ источников права и правоприменительной практики стран континентальной Европы X—XV вв. позволил автору монографии впервые установить ряд важных закономерностей в процессе формирования в них институтов гражданского права. Так, законодательные основы средневекового сербского государства базировались не только на правовых обычаях, но и реципированных нормах римского и восточно-римского права, что обусловило создание уникальной, пожалуй, одной из наиболее совершенных правовых систем в Европе рассматриваемого исторического периода. Из источников римского и восточно-римского права в наибольшей степени заимствовались нормы Кодификации Юстиниана, Земледельческого закона, Эклоги и Номоканона. В большинстве же стран континентальной Европы влияние этих норм на процесс создания отечественных правовых систем было незначительно. Основными источниками для формирования в них отраслей гражданского права по-прежнему оставались правовые обычаи и судебная практика, о чем свидетельствует сравнительно-правовой анализ применяемых на этих территориях таких правовых источников, как «Саксонское зеркало», «Кутюмы Бовеви», «Винодольский закон», «Законник Стефана Душана», «Законник короля Карла I», «Польская правда», «Полный свод статутов Казимира Великого», «Пространная редакция “Русской Правды”», «Псковская судная грамота», «Судебник Ивана III», «Ландслаг короля Магнуса Эрикссона», «Статут Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского» и ряда других.

В средневековом гражданском праве стран континентальной Европы автором рецензируемой монографии выявлен ряд единообразных и особенных признаков право- и дееспособности физических лиц. Так, уже в X в. н. э. и в последующий исторический период правоспособность в странах средневековой континентальной Европы зависела от сословной принадлежности физического лица. В ней изначально было заложено неравенство феодала и крепостного крестьянина, где феодал обладал полной правоспособностью, а правоспособность зависимых категорий населения была ограничена юридически.

Дееспособность в странах средневековой континентальной Европы, наоборот, имела значительные отличия. Право каждой из стран обладало своим возрастным цензом. Так, субъект польского средневекового права (XIII—XIV вв.) обладал полным объемом дееспособности в возрасте 24 лет, субъект германского права — в 21 год, в Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском мужчина обладал правом полной дееспособности в возрасте 18 лет, а женщина — в 15 лет. При этом в разные исторические периоды возрастной ценз, определявший статус дееспособности физического лица значительно изменялся. Например, в средневековой Сербии (XI—XII вв.) полная дееспособность физического лица мужского пола наступала одновременно с правом вступления в брак, т. е. в 17 лет, а уже в XIV—XV вв. полная дееспособность для представителей господствующего класса наступала в возрасте 14 лет. Налицо парадокс, такие страны, как средневековая Германия и Польша (чье право в меньшей степени реципировало нормы и институты классического римского частного права), в большей степени заимствовали опыт Древнего Рима в вопросе становления и развития дееспособности физических лиц, а такие страны, как Сербия, Болгария, Италия, Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское, право которых в значительной

степени было подвержено влиянию норм римского частного права, в данном вопросе руководствовались правовыми обычаями своих предков.

Анализ законодательной и правоприменительной практики в странах континентальной Европы эпохи Средневековья позволил автору монографии выделить две основные группы юридических лиц: коммерческие и некоммерческие. Обе группы были нацелены в своей деятельности на извлечение материальной прибыли. По степени имущественной обособленности мы выделили юридические лица, владеющие имуществом на праве собственности (цеховые организации, товарищества, крестьянские общины), а также владеющие имуществом на иных вещных правах (церковь, государственные учреждения, органы местного самоуправления).

По предмету деятельности в рассматриваемый исторический период юридические лица подразделялись на производственные, торговые, банковские и смешанные (производственно-торговые). По направленности интересов различались публичные юридические лица (органы государственной власти, местного самоуправления и церковь) и частные (производственные и торговые объединения).

Правоспособность юридических лиц в период средневековья возникла с момента его создания, а прекращалась — с момента завершения его ликвидации. Она определялась волей учредителей (участников) юридического лица; волей государства в той мере, в какой государство устанавливало пределы действия и правила осуществления прав юридических лиц; волей органов управления юридического лица.

На средневековом этапе развития института юридических лиц характерно то, что правоспособность юридического лица определялась учредительными актами государей и правительств. Наглядным примером этому в средневековой Сербии является Законник Стефана Душана (1349 г.) и Закон о рудниках деспота Стефана Лазаревича (1412 г.), в Италии — нормы права из Книги обычаев г. Милана (1216 г.), которые с XIII в. применялись в Германской империи, в Чехии — Рожмберская книга (1420 г.) и Статуты Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (1529 г.) для средневековой Беларуси. Следовательно, уже в эпоху Средневековья в праве стран континентальной Европы сформировались основные нормы, определяющие современное правопонимание юридического лица.

Анализ форм собственности в праве стран средневековой континентальной Европы показал общность основных институтов собственности в средневековых странах Восточной и Западной Европы. Установленные в ходе исследования источники права средневековой Сербии и стран континентальной Европы, а также имеющиеся в распоряжении автора монографии юридические факты позволили В. И. Ермоловичу комплексно изучить на основе сравнительно-правового метода особенности формирования и развития всех форм собственности, характерных для стран Европы эпохи Средневековья (X—XV вв.). Становление института движимой собственности у народов, населявших территорию современной Европы, произошло еще в эпоху родоплеменных отношений, когда в обществе начало зарождаться экономическое и юридическое неравенство. Понятие недвижимой собственности в ее правовом выражении зародилось у большинства народов Западной и Восточной Европы в период средних веков. Институт средневековой недвижимой собственности сформировался на основе земельных владений и складывающихся вокруг них имущественных отношений, которые в свою очередь явились важнейшим фактором формирования гражданско-правовых отношений в странах средневековой Европы. Однако в отличие от римского

частного права, которое резко отграничивало право собственности как от владения, так и от вещных прав на чужую вещь, феодальное право стран континентальной Европы даже на поздних ступенях своего развития не проводило столь же четкой границы между отдельными формами вещно-правового господства. В течение ряда столетий оно обходилось даже без особого универсального термина для обозначения права собственности. Так, в Германии соответствующая терминология сформировалась в XIV в., а в России термины «собственность» и «право собственности» появилось только в XVIII в. Например, отсутствие специального термина в праве средневековой Сербии X—XV вв., конечно, не свидетельствует об отсутствии самого института или понятия права собственности. Феодальное право уже на ранней стадии формирования выражало свои формы собственности и устанавливало различие между собственностью и владением, между петиторной и посессорной защитой права собственности, но проводило его менее резко, чем это делало римское частное право. Об этом свидетельствует анализ норм Салической Правды, Русской Правды, Саксонского зеркала и Законника Стефана Душана, поскольку до рецепции норм римского частного права и после нее оно не ставило четкой грани между петиторным и посессорным процессом, допуская переход спора о владении в спор о праве, т. е. придавая в известной мере петиторный характер отдельным видам владельческих исков (*ordinarium possessorium*). Главная особенность феодального права собственности заключалась в другом. В отличие от классического римского частного права, с его четким разграничением права собственности и права на чужую вещь, в феодальном обществе средневековой континентальной Европы преобладающую роль играли разнообразные формы собственности, которые открывали управомоченному лицу возможность ограниченного использования вещи (в пределах, не затрагивавших другого носителя) тоже связанной и ограниченной собственности в отношении той же вещи. Следовательно, под общее понятие собственности феодальное право подводило не только право аллодиального собственника, не знавшего другого — верховного собственника над собой, но и все другие разнообразные формы вещного держания — наследственного, пожизненного или временного, с преобладанием права распоряжения над правом пользования, а нередко и наоборот.

Исследование договорных отношений в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы позволило автору рецензируемой монографии прийти к выводу, что форма заключения консенсуальных договоров в праве средневековой Сербии и других стран континентальной Европы, как и в римском частном праве, представляла собой согласование волеизъявления сторон соглашения, или обычный *consensus*.

Предметом консенсуального договора в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы, как и в римском частном праве, могли быть все те вещи, которые могли быть предметом престации обязательственных отношений. По данному элементу договоры не отличались от других обязательственных отношений: они являлись одним из видов обязательств.

Заключение консенсуальных договоров (купли-продажи, найма, аренды, товарищества) не требовало ни передачи вещи, ни письменных обязательств. Обязательства устанавливались сразу по достижении согласия сторон, участвующих в договоре, вне зависимости от того, как оно было достигнуто.

Проанализированные в указанном нами исследовании виды консенсуальных договоров являлись важнейшими договорами в хозяйственном обращении. При их заключении требовалась большая свобода и оперативность. Этому в определенной степени способствовал процесс рецепции норм римского частного права в правовые системы средневековой Сербии и стран континентальной Ев-

ропы. Однако не следует и преувеличивать влияние рецепции римского частного права на формирование консенсуальных соглашений права вышеуказанных стран. Консенсуальные соглашения в праве стран средневековой Европы, по аргументированному мнению В. И. Ермоловича, в том числе Сербии, Беларуси, Германии, Польши, Чехии, Швеции и русских средневековых княжеств, развивались не только на основе традиций римского частного права, но и реальной практики феодальных отношений, которая значительно видоизменила особенности правоприменения данной группы договоров. Кроме того, консенсуальные договоры развивались и в рамках многих правовых систем мира, которые не были связаны с нормами римского частного права. Становление некоторых из них произошло почти на полторы тысячи лет ранее, чем сформировалась система римского частного права. Договоры купли-продажи, найма, аренды и товарищества развивались задолго до появления древнеримского государства и, соответственно, римского частного права, например, институты «Законов царя Хаммурапи», которые были разработаны и приняты в XVIII в. до н. э.

Автор монографии убедительно доказал, что далеко не все нормы римского частного права нашли свое применение в праве стран средневековой Европы. Однако В. И. Ермолович признал, что правоприменение консенсуальных договоров в праве средневековой Сербии, Беларуси и других стран Европы сыграло позитивную роль в истории развития права. Это способствовало формированию современного взгляда на консенсуальные договоры как сделки, порождающие гражданские права и обязанности с момента достижения сторонами соглашения. Данное понимание характера консенсуального договора спустя несколько столетий нашло свое отражение в основных правовых системах современного мира и, прежде всего, в англосаксонской и романо-германской системах. В XXI в. невозможно представить гражданское право ни в одной из стран мира без наличия в нем разновидностей консенсуальных договоров. Например, Гражданский кодекс Республики Беларусь современную трактовку консенсуальных договоров излагает в статьях 63–104, 424–475, 577–732. Кроме того, консенсуальные соглашения широко применяются и в международном частном праве. На основе международного договора купли-продажи построена вся современная архитектура внешней торговли Республики Беларусь, Сербии и всего мирового сообщества.

Проведенный автором рецензируемой монографии анализ реальных договоров в праве средневековой Сербии и стран континентальной Европы X–XV вв. позволил установить, что основу реальных договоров указанных стран составляли правовые обычаи местных народов, а также нормы римского и восточно-римского частного права, которые за длительный исторический период трансформировались в отечественные правовые системы ряда стран Восточной и Западной Европы, в том числе средневековой Сербии и Беларуси. Поэтому закономерным, по мнению В. И. Ермоловича, является тот факт, что уже в раннесредневековый период (X–XI вв.) многие реальные договоры в праве Сербии как, например, договор займа, базировались на традициях восточно-римского частного права. Они защищали в первую очередь интересы займодавца. Так, ст. 1 титула X славянской Эклоги гласит, что заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие форсмажорных обстоятельств, в том числе вражеского нашествия, морского кораблекрушения и др. Отсрочка долга не допускалась даже при непреодолимой силе, например, при стихийных бедствиях, предвидеть и предотвратить которые должник не мог. Для средневековой Сербии набеги врагов были обычным явлением, и часто происходило полное разорение крестьян в ходе этих набегов. Однако

никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок. В свою очередь данные правовые нормы способствовали усилению личной зависимости широких слоев населения от представителей господствующего класса.

Анализ норм права средневековой Германии, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, Польши, Франции и русских княжеств позволил установить, что институт договора займа базировался на местных правовых обычаях. Хотя также требовалось исполнение обязательств в пользу кредитора, все же в ряде случаев допускалось более лояльное отношение к должнику. Правовые обычаи у многих народов Европы в период раннего средневековья (X—XI вв.) еще допускали отсрочку платежа по долгу в условиях чрезвычайных (форсмажорных) обстоятельств исходя из понимания разумного срока. Изучение механизма правовой регламентации договора займа в праве стран средневековой континентальной Европы показало, что нормы данного вида договоров ощущали на себе серьезное влияние норм римского частного права в странах Западной и Восточной Европы. Это в свою очередь способствовало развитию в праве указанных стран важнейших институтов залогового права, которые были реципированы из римского и восточно-римского частного права. В их числе были залог движимого и недвижимого имущества, поручительство как форма обеспечения обязательств.

Договор залога на недвижимое имущество в праве многих стран средневековой континентальной Европы уже на рубеже XII—XIII вв. осуществлялся на основе двух форм. Во-первых, путем передачи заложенного имущества кредитору (при этом кредитор эксплуатировал переданных ему вместе с именем людей в счет процентов по займу и мог переуступить свои права другим лицам) и, во-вторых, благодаря использованию ипотеки, т. е. залога в форме записи долгов на имение в судебных книгах, но без передачи имени кредитору.

Недвижимое имущество, переданное кредитору в залог, как правило, не переходило в его собственность и по истечении срока давности, но если в соглашении о займе и залоге имелась специальная оговорка о сроке платежа, то невыкупленное заложенное имение переходило в собственность залогодержателя. Он имел преимущественное право на первоочередное удовлетворение своих требований с заложенного имущества должника по сравнению с другими кредиторами. Данная система была характерна для средневековой Германии, Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, Польши, Чехии, Сербии, Франции, Швеции и русских княжеств.

Договор хранения как вид классического договора римского частного права не получил в рассматриваемый исторический период широкого правоприменения в большинстве стран Западной и Восточной средневековой Европы. По мнению В. И. Ермоловича, это объясняется слабым развитием товарно-денежных отношений в этих странах. Договор хранения предвещал появление нового по форме и содержанию вида реального договора — договора банковского вклада.

В указанный исторический период во всех странах средневековой континентальной Европы широко применялся договор поклада, содержанием которого является также сохранность чужой собственности. По своему характеру данный договор является имущественным договором, требующим соответствующего оформления и возлагающим на лицо, сохраняющее имущество, определенную ответственность. Это реальный договор, обязательства по которому возникали в момент передачи имущества на сохранение конкретному лицу. Основное требование законодателя к хранителю имущества сводится к обеспечению сохранности имущества с последующим его возвращением в том виде, в котором

оно поступило на сохранение. В случае причиненного ущерба имуществу, находящемуся на сохранении, или его полной гибели возникали обязательства из причинения вреда, которые регламентировались законодательно и защищались действием прямого иска.

В своей монографии В. И. Ермолович пришел к выводу, что несмотря на наличие общих и отличительных черт, характерных для реальных договоров, право стран средневековой континентальной Европы, механизм их содержания и правоприменения соответствует основным критериям теории и римского частного права, сформированной в эпоху правления императора Юстиниана. Одно из важнейших правил данной теории сводится к следующему: передача вещи или выполнение какого-либо другого действия на каком-либо обязательственном основании может служить формой создания реального договора.

Теоретическую основу исследования В. И. Ермоловича составили труды видных отечественных и зарубежных ученых в области теории и истории права. Причем важно отметить, что комплексное исследование норм и институтов гражданского права средневековой континентальной Европы отечественными и зарубежными учеными ранее не проводилось. В предлагаемой вниманию читателей монографии впервые рассмотрен процесс эволюции основных институтов гражданского права стран средневековой континентальной Европы в их системной взаимосвязи. Центральное место в исследовании занимает сравнительно-правовой метод, который способствует успешному решению большинства задач, позволяет выявить и проанализировать явления, характерные для развития средневекового гражданского права стран континентальной Европы, а также сформулировать новые теоретические определения и разработать классификационные модели по их элементному составу. Подобные попытки предпринимались и ранее в юридической историографии зарубежных стран, но на практике они оказались менее успешными. Речь идет о работах Э. Аннерса «История европейского права»: пер. со швед. (М., 1994) и С. Плаза «Сравнительный анализ отраслей в истории польского и зарубежного права» (Краков, 1998). Указанные работы носили в значительной степени компиляционный, схематичный характер. В. И. Ермолович провел сравнительный анализ основных институтов гражданского права стран средневековой Европы на основе комплексного, самостоятельного анализа источников права. Это одна из важнейших заслуг автора представленной монографии.

*Таранова Т. С., доктор юридических наук,
профессор, зав. кафедрой гражданско-правовых
дисциплин Белорусского государственного
экономического университета*

Правила оформления статей для подачи в журнал «Вестник Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта»

*Журнал принимает к изданию статьи на **русском, белорусском и английском языках.***

Авторы несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Редакция не взимает плату за опубликование научных статей.

Статьи, представленные лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство), в год завершения обучения, публикуются первоочередно.

Объем научной статьи, учитываемой в качестве публикации по теме диссертации, должен составлять не менее 0,35 авторского листа (14 тыс. печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. п. — как правило, не менее 8-ми страниц текста (но не более 12-ти), напечатанного шрифтом размером 14 пунктов через 1,5 интервала между строками). Страницы должны быть пронумерованы.

Научная статья должна включать следующие элементы:

введение;

основную часть с таблицами, графиками и другим иллюстративным материалом (при их наличии);

заключение, завершаемое четко сформулированными выводами;

список цитированных источников.

Название статьи должно отражать основную идею ее содержания, быть информативным и по возможности кратким. В заглавиях можно использовать только общепринятые сокращения.

Во введении статьи должна быть сформулирована ее цель (поставлена задача).

Обязательны ссылки на работы, не являющиеся публикациями автора. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Иллюстрации, формулы и сноски следует пронумеровать в соответствии с порядком цитирования в тексте.

Список цитированных источников располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например [1], [2] и т. д.). Все публикации на русском языке (кроме нормативных документов, архивных материалов, статистических сборников, газетных статей без указания автора, ссылок на сайты без указания конкретного материала) должны сопровождаться переводом *названия* на английский язык (приводится в квадратных скобках).

Сдавая статью в редакцию, авторы представляют:

- 1) распечатку статьи и ее электронный вариант. К статье должны быть приложены дополнительные сведения: индекс УДК в соответствии с классификатором, ключевые слова (5–10 слов или коротких ключевых фраз) на русском и английском языках;
- 2) справку об авторе:
 - а) фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском языке;
 - б) имя и фамилия автора транслитерацией в романском алфавите (взять из паспорта);
 - в) электронная почта;
 - г) контактные телефоны;
- 3) выписку из протокола заседания кафедры, включающую рекомендацию об опубликовании;
- 4) для авторов других вузов (НИИ) – рекомендательное письмо руководства своей организации;
- 5) резюме статьи на русском языке (от 100 до 250 слов). В нем должно быть отражено краткое содержание статьи: цели и задачи, методы исследования, краткий вывод. Обязательно следует представить на английском языке название статьи, текст резюме и официальное название организации, в которой учится или работает автор;
- 6) результаты проверки текста на предмет оригинальности при помощи инструмента «Антиплагиат».

Журнал включен в наукометрическую базу данных Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Индекс журнала

74838

Ответственный за выпуск *О. Г. Буховец*
Редакторы *А. В. Зенькевич, А. К. Лапуста*
Компьютерная верстка *А. А. Карнейчик*

Адрес редакции:
220070, г. Минск, просп. Партизанский, 24. БГЭУ, корп. 6, к. 19. Тел. 209-78-84
Электронная почта: vestnik@bseu.by

Подписано в печать: 09.06. 2022.
Формат 70×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 11,4. Уч.-изд.л. 12,07.
Тираж 97 экз. Заказ

УО «Белорусский государственный экономический университет»
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/299 от 22.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.

Отпечатано на ротапринте БГЭУ. Лицензия полиграфическая № 02330/210 от 14.04. 2014.
200070, г. Минск, просп. Партизанский, 26.
